

Македоний Консул

(ок. 550 г.)

ЭПИГРАММЫ

О Светоносец, Эрота не мучь, у соседа Арея
Ярости ты не учись, жестокосерден не будь!
Но, как и прежде, узрев Фаэтона в чертоге Климены,
В небо под утро взойти вовремя ты не спешил,
Так и ко мне в эту ночь, какой я насилу дождался,
Медли взойти на Восток, как в Киммерийской стране.
(AP, V, 223)

Полно, Эрот, перестань сокрушать мое сердце и печень!
Если уж хочешь разить, целься в другие места.
(AP, V, 224)

Страсть – это рана моя; и кровь из той раны сочится,
Слезы текут, а она не засыхает никак.
Я же бессилен пред ней, и лекарства, в котором нуждаюсь,
Чтобы страданье унять, сам Махаон не найдет.
Телеф – я, дева; моим ты сделайся верным Ахиллом:
Только своей красотой ты мою боль утолишь.
(AP, V, 225)

Из года в год виноград собирают и, гроздь срезая,
Вовсе не смотрят на то, что изморщилась лоза;
Я ж твоих розовых рук, краса ты моя и забота,
Не покидаю вовек, с ними в объятьях сплетаясь.
Я пожиная любовь, ничего ни весной, ни летом
Больше не надобно мне: ты мне любезна одна.
Будь же цветущей всегда! А если когда-нибудь станут
Видны бороздки морщин, что мне до них? Я люблю.
(AP, V, 227)

Льющую слезы Ниобу увидев, пастух удивился:
Как это? – Камень, а вот... тоже роняет слезу.
Только Евгиппа, сей камень живой, меня не жалела,
Хотя во мраке стенал всю эту долгую ночь.
Тут виновата любовь. От нее и страданья обоим:
Та ведь любила детей, я же тебя полюбил.
(AP, V, 229)

Прелестью блещут уста, лицо сияет цветами,
 Пафией очи твои; пальцы касаются струн.
 Взглядами свет у очей, а пением слух отнимаешь
 И отовсюду разишь страждущих юношей ты.
 (AP, V, 231)

«Завтра увижу тебя». – Да это вовек не случится:
 Ты по привычке своей встречу отложишь опять.
 Вот благосклонность твоя, а других ты другим одаряешь,
 И постоянство мое, видно, тебе ни к чему.
 «Вечером встречусь с тобой». – А какой это вечер у женщин?
 Вечер тот – старость, пора неисчислимых морщин.
 (AP, V, 233)

Я не надеялся видеть тебя, но пришла ты, и мысли
 Все взволновала мои – нет изумленью границ.
 И трепещу я, и сердце ужалено болью глубоко;
 Тяжко томится душа, страсти волной залита.
 Видишь, меня на земле кораблекрушение постигло:
 Руку спасенья подай, в гавань свою допустив.
 (AP, V, 235)

Меч мне зачем обнажать? Клянусь тебе, милая, право,
 Не для того, чтобы с ним против Киприды пойти,
 Но чтоб тебе показать, что Арея, как ни свиреп он,
 Можно заставить легко нежной Киприде служить.
 Он мне влюбленному спутник, не надобно мне никакого
 Зеркала: в нем я всегда вижу себя самого.
 Как он прекрасен в любви! Но если меня ты покинешь,
 В лоно глубоко мое этот опустится меч.
 (AP, V, 238)

Золотом я привлекаю Эроса: совсем не от плуга
 Или мотыги кривой пчелок зависят труды,
 Но от росистой весны; а для меда Пенорожденной
 Ловким добытчиком нам золото служит всегда.
 (AP, V, 240)

Ночью привиделось мне, что со мной, улыбаясь лукаво,
 Милая рядом, и я крепко ее обнимал.
 Все позволяла она и совсем не стеснялась со мною
 В игры Киприды играть в тесных объятьях моих.
 Но взревновавший Эрот, даже ночью пустившись на козни,
 Нашу расстроил любовь, сладкий мой сон разогнав.
 Вот как завистлив Эрот! Он даже в моих сновиденьях
 Мне насладиться не даст счастьем взаимной любви.
 (AP, V, 243)

Ржешь и хихикаешь ты, в предвкушении брачного ложа
 Глазки мне строя тайком: все твои хитрости зря!
 Камешков тройку зажав в кулаке, я поклялся вниманья
 Не обращать никогда на приставанья ко мне.
 Ты забавляйся одна и чмокайся ты себе вволю
 Зря, не сливая ни с кем губы в один поцелуй,
 Не по пути мне с тобой: красотки есть поприсяжной,
 И в совершенстве они могут Киприде служить.
 (AP, V, 245)

«Верность» – имя тебе. Вот я и поверил, но тщетно
 Я понадеялся: ты стала мне горше, чем смерть.
 Ты от влюбленных бежишь, а спешишь к тому, кто не любит,
 Чтобы, лишь он полюбил, тотчас опять убежать.
 Губы твои – приманка коварная: только я клюнул,
 Сразу на остром крючке розовых губ я повис.
 (AP, V, 247)

Ту, что блистала среди красавиц в вакхической пляске,
 Ту, чьею гордостью был блеск золотых кастаньет,
 Старость взяла и болезнь; а любовникам страстным, что прежде
 Жаждали встретиться с ней и умоляли ее,
 Стала противна она. Прошло полнолуние, и нечем
 Ей возместить свой ущерб и возродиться опять.
 (AP, V, 271)

Невод с грузилами взял и его навязал на трезубец
 Старый Аминтих, устав от рыболовных трудов,
 И Посейдона из волн пучины соленого моря
 Так, возливая из глаз слезы, умильно просил:
 «Знаешь мои ты труды, о блаженный; но к старости жалкой,
 Сил нас лишая, растет с нами всегда нищета.
 Ты прокорми старика, но только плодами земными:
 Правишь и сушею ты так же, как влагой морской».
 (AP, VI, 30)

Пара волов добывает мне хлеб. Но тебе, о Деметра,
 Я их из теста слепил, а не из стада привел.
 Ты же храни мне живых и, послав урожай изобильный,
 Щедро, благая, воздай за приношение мое.
 Пахарю ведь твоему за восемьдесят, да четыре
 Минуло года уже, если по правде сказать;
 И хоть еще до сих пор коринфского он урожая
 Не собирал, но не знал он и голодных годов.
 (AP, VI, 40)

Пьяного и с головой, плющом увитой, Сатира
 Бромью в дар посвятил муж-винодел Линагор.
 Все у хмельного – и шерсть, и волосья, и плющ с виноградом –
 Все, очевидно, хмельно, все, обессилев, висит.
 Передало мастерство всю сущность в немых очертаньях:
 В мертвой материи здесь точно изваяна жизнь.
 (AP, VI, 56)

Судно сове укрепив на священной земле, Посейдону
 Крант-мореход посвятил около храма его.
 Бури не сломят ладью; широко теперь растянувшись,
 Крант отдыхает, в земле сном безмятежным почив.
 (AP, VI, 69)

Судно тебе, о владыка морей и земли повелитель,
 Крант посвятил: на ладье влаги уж более нет.
 Судно – крыло быстролетных ветров, на котором несчастный
 Часто предчувствовал я скорый к Аиду приход.
 Но, позабывши и страх, и надежду, и море, и бури,
 Крепко на твердой земле я основался теперь.
 (AP, VI, 70)

Дафнис, свирельный игрок, дрожавший от старости дряхлой
 И не способный владеть праздною твердо рукой,
 Пану, хранителю стад, посвятил свой пастушеский посох,
 Ибо от старости лет коз он не в силах пасти.
 Но на свирели досель я играю, досель еще голос
 Мой не дрожит и живет в теле дрожащем моем.
 Пусть же свирепым волкам по нагорьям никто не откроет
 Из козопасов, что я немощным стал стариком.
 (AP, VI, 73)

Некогда Фебу Евмолп возложил на треножник кифару,
 Сетуя горько на то, что постарела рука.
 Так он сказал: «Не хочу я больше лиры касаться
 И позабуду теперь стройность напевов былых.
 Юношам струны кифар, а нам старикам вместо плектра
 Надо дрожащей рукой посох опорный держать.»
 (AP, VI, 83)

Эту борзую, к любой способную травле свирепой
 Сделал ваятель Левкон, а посвятил Алкимен.
 Но, не найдя ничего, к чему бы придраться, и видя
 Эту собаку во всем в точности схожей с живой,
 К ней подошел, взяв ошейник, и так сказал он Левкону:
 «Пусть же поскачет она, да и залает пускай.»
 (AP, VI, 175)

Эту собаку, ягдташ и копые с крючком заостренным
 Пану и нимфам лесным в жертвенный дар я несу,
 Ну а живую домой отвожу я с собою собаку,
 Чтоб черствой коркою там с ней поделиться вдвоем.
 (AP, VI, 176)

Ты, Илифия меня родила, ты, Земля, схоронила,
 Слава обеим! Теперь жизненный путь завершен.
 Я уйду, но куда? Я не знаю. Не знаю я вовсе,
 Чей я? Кто я такой? К вам я откуда пришел?
 (AP, VII, 566)

Должен привратником быть у меня самый верный из смертных,
 Строго купанья часы должен он здесь соблюдать,
 Чтобы нагую Няяду в струях моих или Киприду
 В сонме кудрявых Харит не увидал кто-нибудь,
 Хоть бы нечаянно: «Боги опасны тому, кто их видит».
 Кто же дерзнет возражать против Гомеровых слов?
 (AP, IX, 625)

Сарды мне имя. Столица я Лидии. С честью на Тмоле
 Пышном у Герма стою я в Меонийской земле.
 Первой мне довелось увидеть Зевса, но нашей
 Реи-богини родов тайны не выдала я.
 Бромия мамкой была: ведь здесь в ослепительном блеске
 Молнии передо мной он появился на свет.
 В нашей впервые земле из набухшего вымени гроздьев
 Осенью плодною был выдавлен сок золотой.
 Всем разукрашена я; суждено мне поэтому было
 Зависть собой возбуждать в мощных всегда городах.
 (AP, IX, 645)

Каждому гостю я рад, земляку и чужому. Не дело
 Гостеприимству пытаться: кто ты, откуда и чей?
 (AP, IX, 648)

Этот чертог от самой начальной основы до верхней
 Кровли был выстроен здесь благочестивой рукой.
 И не разбойным мечом присвоив чужие богатства,
 А накопив их себе, дом Македоний возвел.
 Он и не плакал о том, будто даром труды он потратил,
 Будто бы должной из них выгоды он не извлек.
 Праведный муж за труды получает заслуженный отдых,
 И благочестных дела да сохранятся навек.
 (AP, IX, 649)

Благословенны да будут равно и Забвенье и Память:
 Счастью Память мила, горю Забвение друг.
 (АР, X, 67)

Если Надежды, подруги Судьбы, над жизнью людскою
 Шутят, то вспыхнув, то снова от нас уходя,
 Шутят они надо мной: человек я и должен скончаться,
 Если я смертен, всегда будучи шуткой для них.
 Сам я охотно своим отдаюсь заблужденьям; не стоит
 Строгим в сужденьях своих быть Аристотелем мне.
 Анакреонта совет глубоко сохраняю я в сердце:
 Сетовать нечего нам и горевать без конца.
 (АР, X, 70)

Видя Пандоры сосуд, я смеюсь; но не женщину, право,
 Я упрекаю, а лишь блага летучие в нем:
 Как, побывав на земле, на Олимп они вновь улетают,
 Также бы надобно им падать на землю опять.
 А у жены, приподнявшей заветную крышку, покрылись
 Бледностью щеки, и вся прелесть пропала ее.
 Жизнь стала хуже вдвойне: никаких у теперешних женщин
 Благ ведь от старости нет, а и в сосуде их нет.
 (АР, X, 71)

Я не желаю ни злата, ни многих земель с городами,
 Ни всех богатств, что Гомер Фивам приписывал встарь, -
 Только бы круглая чаша мне брызгала влагой Лиэя,
 Без перерыва свои ей омывая края,
 Да чтобы пили со мной толпой говорливые гости,
 Да виноделы в саду труд свой исправно несли –
 Вот в чем богатство мое, дорогое всегда. Что за дело
 Мне до вельмож золотых, если мой кубок в руке?
 (АР, XI, 58)

Все мы, любители пить, борцы владыки Иакха,
 Вместе пойдем мы на пир, на состязание чаш.
 Щедро дары воздавать Икарийского будем Лиэя,
 А Триптолема плоды пусть занимают других,
 Где и волю, и плуги, и рассоха, и дышло, и колос –
 Все Персефоны следы после захвата ее.
 Если же в рот положить придется какой-нибудь пищи,
 Бромиев сможет изюм пьяниц насытить вполне.
 (АР, XI, 59)

Был нездоров я вчера, и предстал предо мною зловердный
 Врач-погубитель и мне нектар вина запретил.
 Воду он пить приказал. Слова твои на ветер, неуч!
 Сам ведь Гомер говорил: сила людская в вине.
 (АР, XI, 61)

Вам, кто идет справлять торжество благодатного Вакха,
 Надо мечтать о лозе, бедность свою позабыв.
 Мне же пусть чаша пойдет за кубок, а рядом – за бочку
 Будет точило пускай, радости светлой сосуд.
 Чашу свою осушив в честь нашего бога Лиэя,
 Тут же готов я идти на Канастрийских детей.
 Неумолимых пучин морских не боюсь я, ни молний,
 Смело пойду я на все: Бромий меня вдохновит.
 (АР, XI, 63)

Скрыга какой-то, заснув, на несметный клад натолкнулся
 И в сновиденье своем до смерти был ему рад.
 Но, лишь проснулся и вновь, после всей этой прибыли сонной,
 Бедность увидев свою, с горя опять он уснул.
 (АР, XI, 366)

Зеркалу что говорить, но я-то твои все веснушки
 Изобличу, коли ты красками мажешь лицо.
 Это и Пиндар-певец обличает в стихах сладкозвучных:
 «Лучше воды – ничего», недруга всяких прикрас.
 (АР, XI, 370)

Ты и румянь и бели свои исхудалые щеки
 И за коварства свои ты, Лаодика, платись.
 Не разевай только рта: никакие тебе ухищренья
 Прежнего ряда зубов больше уже не вернут.
 Прелесть былая твоя утекла: не может источник
 Блеска телесных красот неиссякаемым быть.
 Раньше цвела ты, что роза весной, но теперь ты увяла,
 Всю иссушила тебя старости знойная пыль.
 (АР, XI, 374)

Я у могилы чихнул, и тотчас мечтал я услышать
 Весть о кончине жены, как и надеялся я.
 На ветер я зачихал: от жены у мужей никакого
 Выкупа нет, не при чем тут ни болезни, ни смерть.
 (АР, XI, 375)

Дева высокорожденная, Правда, старейшина градов,
 Не отвергает златых, но благочестных даров.
 Ведь и у Зевса весы соделаны всезолотыми,

Коими вешает он всяческой жизни удел:
«И протянул тут отец весы свои золотые»,
Если Гомера красот не позабыл ты еще.
(АР, XI, 380)

Памятник сей молодому Тионику. Но не красую
Изображенья его сделался он знаменит.
Юноша здесь пред тобой, чтобы, узнав о трудах его тяжких,
Ты вдохновился, мой друг, рвением к славным делам.
Ноги его некогда не ведали устали: в беге
Старших и младших и всех сверстников он побеждал.
(АР, XVI, 51)

*Воспроизведено по изданию: Византийский временник. 1969. Т. XXX. С. 305-311.
перевод: Ф.А.Петровский, Л.В.Блуменау, Д.С.Усов, Ю.Ф.Шульц, А.Г.Челпанов.*